

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТЯХ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Варич

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В оценках современной культуры и мировоззренческих предпочтений общества на рубеже тысячелетий достаточно отчетливо представлены два противоположных подхода, один из которых рассматривает нынешнюю эпоху как этап завершения и даже исчерпания возможностей развития западной цивилизации, а другой, напротив, - сущность нашего времени видит в постоянно ускоряющемся обновлении и экспоненциальном росте инноваций во всех сферах человеческой жизни, благодаря которым человечество если не в обозримом будущем, то в относительно недалекой перспективе станет наконец единым и процветающим.

Первый подход берет начало в критическом анализе классической рационалистической культуры, у истоков которого стояли такие фигуры, как Ницше и Шопенгауэр, а также в трезвом осмыслении недостатков буржуазной либеральной демократии, рыночной экономики и функционирующего на их основе общества потребления (к примеру, в сочинениях Бердяева, Отрега и Гассета, Хайдеггера и других). Этот анализ получил масштабное продолжение в развернутой критике основных интенций просветительской прогрессивной культуры в рамках постмодернистской традиции философствования. Так, к примеру, Ж. Бодрийяр, характеризуя современное состояние западного общества (а в тенденции – и всего человечества, если оно воспримет западные ценности), отмечает, что все утопии уже обрели реальность, и теперь остается только бессмысленно двигаться в неизвестном направлении: «...мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний», - пишет философ. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [1, с. 9].

С такой точки зрения бурное умножение научных открытий и технических новшеств, художественных направлений и религиозных субкультур, стилей, жанров, школ и способов мышления можно вслед за Бодрийяром оценивать не как прогресс, ведущий в светлое будущее всего человечества, а как своего рода метастазирование, злокачественный рост: «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование несколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным» [1, с. 13]. Сама идея прогресса исчерпала себя, но рост продолжается; представление о конечных целях экономического развития практически отсутствует, но производство прирастает; в политике нет развитых и отчетливых идеологий, но политические игры не прекращаются; потребитель духовной продукции стал анонимным реципиентом с неразвитым вкусом, но культурные формы множатся без перерыва; на смену культурной деятельности приходит симуляция. Такая сумрачная картина духовной и общественной жизни, в которой нет вдохновляющей идеи, а говорить об об-

щественном идеале представляется просто неприличным, может быть названа по-разному – «сумерками богов» или «ситуацией постмодерна», - но это не изменяет ее сущности, предвиденной задолго до ее окончательного оформления: «Наша установка на жизнь становится все более механической. Наша основная цель состоит в том, чтобы производить вещи, и в ходе этого поклонения вещам мы превращаем самих себя в предметы потребления», - отмечал Э. Фромм едва ли не полвека назад [3, с. 43].

Будучи наконец свободным от власти идей и от тирании вождей, современный человек, тем не менее, не стал творчески активным субъектом, о котором так долго и страстно мечтали философы-классики. Идейный и общекультурный плюрализм в сочетании с пресловутой политкорректностью, с одной стороны, и возрастающий уровень благосостояния и комфортности жизни – с другой, а также появление и нарастающее влияние современных средств массовой коммуникации, привели к повсеместному признанию того обстоятельства, что поведение человека вовсе не так полно детерминируется его разумом, как представлялось мыслителям Нового времени. В силу этого и мировоззренческая установка, в соответствии с которой любое человеческое начинание должно строиться на рациональной основе, постепенно утратила свое значение. Ее место заняла ориентация на бездумное производство товаров, моделей, желаний и влечений: «Это метаморфоза и поворот от власти труда к влечению, поворот от модели, в основе которой лежит система презентаций (знаменитая «идеология») к модели, действие которой основано на системе аффекта...» [2, с. 49] В такой системе любой соблазн и любой способ соблазнения базируется на социальном императиве немедленной реализации желания: «Наш центр тяжести действительно сместился к бессознательной и либидинальной экономии, оставляющей место только тотальной натурализации желания, которое обречено на то, чтобы разделить участь влечений, или на простое механическое функционирование, но прежде всего на воображаемое подавление и освобождение» [2, 52].

Эти процессы находят зримое воплощение в социальной жизни конца XX – начала XXI столетия, когда буквально воочию происходит перестройка основных принципов западной культуры Новейшего времени: взамен стандартизации и монолитных идеологий приходят разнообразие и идеологический плюрализм; происходит децентрализация и фрагментация структурных отношений во всех сферах культуры; постепенно выстраивается новая социальная иерархия, которая не только отличается от традиционного сословно-классового деления общества, но и не является стратификацией по признанным критериям. Общество состоит из многофункциональных ситуативных ячеек, которые столь же изменчивы, как действующие лица «Метаморфоз» Овидия. В то же время ускорение темпов развития и множество новаций ведут к утрате культурной преемственности, к размыванию единых консолидирующих установок и распадение доминирующей культуры на множество атомарных субкультур, вызывая ощущение безвременья и неопределенности: «В бездумной гонке за новизной нам не дает покоя все возрастающее чувство недостаточности, неудовлетворенности и неуверенности. Мы разучились жить тем, что имеем, но живем ожиданием новых ощущений, живем не в свете настоящего дня, но в сумерках будущего, где в конце концов – по нашему убеждению – взойдет солнце». Продолжая эту мысль, несомненный знаток человеческой души К.Г. Юнг отмечает: «... отдельный человек теряет навсегда последние родовые корни и инстинкты,

превращаясь лишь в частицу в общей массе и следуя лишь тому, что Ницше назвал "Geist der Schwere", духом тяжести» [5; с. 32].

Положение усложняется еще и тем, что рядовой обыватель приобретает черты, сходные с шизофреническими, подпадая под тотальное воздействие непрерывного информационного потока, который охватывает и его частную жизнь, и все публичные формы жизнедеятельности. По словам Ж. Бодрийера, возникает своего рода «экстаз коммуникации», печальным следствием которого является социальная инерция, распространившаяся на все институты и структуры цивилизованного общества и вызывающая потребность в том, чтобы в цивилизационный процесс вовлекались все новые и новые народы и культуры. Как полагает Э.М. Чоран, цивилизация в современном виде – это не только дело рук и навязчивая идея западного человека, но и наказание, которым он готов поделиться с теми, кто еще пока им не затронут. Эта цивилизация базируется на бесконечно увеличивающихся потребностях и сама не может существовать иначе, кроме как порождая новые запросы, влечения и желания: «... чтобы продлить свое существование, она стремится пробуждать у нас все новые потребности и бесконечно множить их, ибо всеобщая практика атаксии имела бы для нее более тяжкие последствия, чем самая разрушительная война. Желания, источник потребностей, порождают у нас постоянное беспокойство, невыносимое, но совсем в ином смысле, чем дрожь, сотрясающая нас в естественном состоянии, в момент возникшей опасности. Мы уже не вздрагиваем время от времени, мы дрожим постоянно» [4; с. 46]. Обеспеченные современной техникой и мощью транснациональных корпораций комфорт и безопасность скрывают это перманентное беспокойство, глубинные феномены человеческого бытия затемняются тревогой («заботой» или «тошнотой» в терминах экзистенциализма). Появляются искусственно культивируемые влечения, многие из которых в традиционных культурах были бы восприняты как извращения или тяжкие грехи. Влечения эти по сути бессознательны, но культивируются вполне сознательно и последовательно, поскольку без их подпитывания потребительская цивилизация не смогла бы не только прирастать, пусть и в «дурной бесконечности», но и вообще функционировать: «... безумие снова становится парадоксальным разумом общества, которое слишком долго тревожилось об его отсутствии и на этот раз установило его (нормализованный) культ под знаком своего собственного освобождения» [2; с. 64].

Второй подход, представленный в сочинениях мыслителей широкого спектра, со своей стороны также констатирует ценностные сдвиги в современном трансформирующемся обществе, однако их смысл и возможные последствия понимает совершенно иначе. Согласно взглядам представителей различных концепций индустриального и постиндустриального общества, «третьей волны» или техногенной цивилизации, мировоззренческие доминанты современного западного общества формируются с того времени, как научно-технический прогресс стал неоспоримым фактором общественного прогресса, под действием которого возник особый тип социального развития, главные признаки которого принципиально отличаются от характеристик традиционных цивилизаций [см. 6, гл. 1] Когда новый тип цивилизации сформировался в более или менее зрелом виде, то темп социальных изменений стал возрастать с невиданной ранее скоростью, экстенсивное развитие истории сменилось интенсивным, а пространственное сосуществование культур – временным. Наиболее же существен-

ное изменение, имеющее общечеловеческое значение, состояло в том, что возникла новая система ценностей, в которой наиболее значимой из них стала считаться сама инновация, оригинальность, вообще все новое. В ценностной иерархии одно из самых высоких мест заняла автономия личности, которая не допускает жесткой сословной, кастовой, корпоративной, религиозной или политической привязки. Современный человек должен обладать умением гибко и разнообразно строить свои отношения с людьми, погружаться в разные социальные общности и даже в иные культурные традиции.

Наиболее ранними предпосылками западной цивилизации в рамках данного подхода считаются демократия и теоретическая наука, появившиеся в античной культуре. В европейском средневековье была всесторонне обоснована способность человека, созданного по образу и подобию Бога, с помощью своего разума постигать божьи творения. Идея богоподобности (а в силу этого – и непреодолимой мощи) человеческого разума не утратила своей значимости и в период Ренессанса, когда, собственно, и сформировалась та культурная матрица, которая нашла воплощение в прединдустриальном, индустриальном и постиндустриальном обществах. Основой социальной динамики стала техника, совершенствующаяся благодаря всеохватывающему и все более полному развитию научного знания. Этот новый тип общественного развития основан на ускоряющемся изменении не только природной среды, но и того предметного мира, который создает сам человек, причем преобразование внешней среды сопровождается трансформацией социальных связей и отношений. Постоянная ускоряющаяся смена форм коммуникации, типов личности и культуры, образа жизни на фоне процессов информационной, экономической и социальной глобализации, формируют представление о необратимости исторического времени с выраженной ориентацией на будущее, причем это светлое будущее рассматривается как рост завоеваний цивилизации, обеспечивающих рациональное и счастливое устройство мира. При этом как бы за скобками прогрессистских чаяний остается то обстоятельство, что экспансионизм западной культуры зачастую приводит к гибели менее динамичных сообществ и уничтожению многих культурных традиций. Те же традиционные культуры, которые смогли выжить под натиском модернизации и техногенного развития, достаточно радикально преобразовали собственные смысложизненные установки.

В любом случае представление о человеке как о субъекте постоянной экспансии, находящемся в деятельном отношении к миру в целях его преобразования и подчинения, нашло выражение и в особенностях духовной культуры, которая активно поддерживает и ценит постоянное производство новых образцов, идей, концепций, – при том, что лишь немногие из них могут реализовываться в настоящее время, а остальные являются возможными направлениями будущей жизнедеятельности. Более того, установка на постоянное обновление представляется самоочевидной, распространяясь не только на экономическое и политическое развитие, но и на сферу социальных отношений, которые определяются непрекращающимся обменом результатами деятельности в объектной и знаковой форме, в предметной и виртуальной реальностях.

Суммируя взгляды представителей указанных подходов, можно отметить, что находясь на противоположных позициях и принципиально по-разному оценивая сущность инновационного процесса, они приходят, в общем-то, к одному и тому же выводу: любой новый тип социального развития (тем более такой, который в перспективе имеет глобальный масштаб), требует выработки новых ценностей и новых мировоззренческих ориентиров. Так же очевидным представляется в рамках обоих подходов и

заклучение о том, что ускоренное развитие современного общества весьма затрудняет проблему социализации и формирования личности. При этом, правда, критики инновационной культуры исходят из итогов, что она сама является симптомом глубинного заболевания общества, которое исчерпало потенциал своего развития, - общества, в котором уже состоялось торжество всех возможных форм и направлений его количественного развития и качественного усовершенствования, в котором сбылись представления о земном рае и которому некуда и незачем больше стремиться; общества, которые ныне находится в состоянии, названном Ж. Бодрийяром состоянием «после оргии». Возможно, аналогия с непродуктивным, но приятным изнеможением после вакханалии была бы чересчур смелой, однако определенный резон в убеждении о том, что история закончилась, социальность исчезает, а на смену обществу пришла инертная масса, безусловно, есть.

Убежденные сторонники преимуществ и достоинств инновационного развития общества, со своей стороны, в качестве несомненных наследников сциентизма и техницизма, видят в непрерывном обновлении если не панацею и некое подобие философского камня, посредством которого можно будет наконец превращать свинец в золото, а жизнь - в сказку, то залог грядущего благополучия новых поколений: достаточно ознакомиться с нашумевшим два-три года назад американским публицистическим фильмом «Дух времени», который завершается благостной картиной общечеловеческого процветания под мудрым руководством технических специалистов в технологической утопии. Как бы там ни было, столь радикально различающиеся оценки инновационного характера современного общества имеют и некий общий знаменатель: признание неизбежной (и уже происходящей) трансформации ценностей и ценностных ориентаций, а также неотвратимой перестройки ценностной иерархии на личностном и социальном уровнях. Понимание сути и характера происходящих переориентаций, без сомнения, столь же различно, однако с достаточным основанием можно утверждать, что представление о современном человеке как о пилигриме на развилке дорог, каждая из которых почти неминуемо ведет к бессмысленному существованию или гибели, является общим фоном, на котором разворачивается осмысление современной культуры: «Цивилизация не в состоянии начать с того, чтобы поставить под вопрос ценности, которые она еще не создала. Но, едва они появились, она устает и отстраняется от них, рассматривая и взвешивая их с губительной для них объективностью. Различными верованиям, которые она породила, она противопоставляет целую систему сомнений, она организует свое метафизическое крушение...» [4, с. 63]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. - М., 2000.
2. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. - СПб., 2000.
3. Фромм Э. Душа человека. - М., 1992.
4. Чоран Э.-М. Портрет цивилизованного человека / Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX-XXI веков. - М., 2007.
5. Юнг К.Г. Аффект цивилизации / Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия. - М., 2007.
6. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки. - М., 1999.